

ПРЕБЫВАНІЕ ДЕКАБРИСТОВЪ ВЪ ТЮРЕМНОМЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ

ВЪ ЧИТѢ И ВЪ ПЕТРОВСКОМЪ ЗАВОДѢ.

ЗАПИСКИ ДМИТРІЯ ИРИНАРХОВИЧА ЗАВАЛИШИНА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Прочитавъ не мало уже изъ того, что до сихъ поръ было напечатано, какъ товарищами моими по заключенію, такъ и посторонними лицами, о пребываніи нашемъ въ заключеніи въ ЧитѢ и въ Петровскомъ желѣзномъ заводѢ, я нашелъ все, что удалось прочитать мнѣ, далеко не полнымъ, не точнымъ и не безпристрастнымъ... Причинъ тому было, конечно, не мало: незнаніе фактовъ, или забвеніе ихъ, вслѣдствіе того, что они не были въ свое время записаны и приводились по однѣмъ смутнымъ воспоминаніямъ, при ослабленіи уже памяти, долгое время спустя; личныя побужденія, нежеланіе говорить о нѣкоторыхъ невыгодныхъ явленіяхъ среди товарищества, опасенія препятствій говорить правду о дѣйствіяхъ начальства,—все это породило умолчаніе о многихъ фактахъ, искаженіе другихъ, и неправильное объясненіе иныхъ, что неизбѣжно отразилось въ неправильности сужденія о дѣйствіяхъ и характерѣ лицъ...

Кромѣ меня, сколько мнѣ извѣстно, едва ли кто другой, изъ нашихъ товарищей, велъ современныя записки, наблюдая и обсуждая въ свое время все относившееся къ намъ, и сохраняя письменныя документы, за что все, какъ извѣстно, я велъ упорную борьбу съ комедантомъ Лепарскимъ, который окончательно вынужденъ былъ однако же признать справедливость требованія разрѣшенія письменныхъ занятій. Поэтому я одинъ только и имѣлъ, по крайней мѣрѣ, такія замѣтки, которыя могли служить прочною основой для воспоминаній, тогда какъ тѣ изъ моихъ товарищей, которые принялись писать свои воспоминанія только впоследствии, должны были основываться преимущественно на одной своей памяти, не рѣдко измѣнявшей уже имъ, что и вызывало уже не разъ опроверженія показаній однихъ, показаніями другихъ, не говоря уже о наполненіи этихъ воспоминаній такими выраженіями: «не помню», — «кажется», —

еще и ту цѣль, что лишая себя добровольно и того, чего не лишало насъ даже самое положеніе наше, я приучалъ себя къ всевозможнымъ лишеніямъ, чтобъ отнять всякую власть надъ собою, какъ у приманки наслажденій, такъ и у угрозы лишеній. Это совѣтывалъ я и другимъ дѣлать, показывая собою примѣръ, болѣе притомъ строгій, чѣмъ требовалъ отъ другихъ, и этому я впоследствии и обязанъ былъ и сохраненіемъ своего нравственнаго достоинства, и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое производилъ во время самаго тяжелаго положенія своего, когда состоялъ на поселеніи. Никакія приманки выгодъ и удовольствій, никакія угрозы лишеній и неприятностей не могли понудить меня спуститься въ кругъ, несвойственный мнѣ, вступить въ товарищество, въ панибратство съ людьми, нравственно мнѣ не соответствующими. «Нужда можетъ меня заставить быть работникомъ, всегда и всѣмъ говорилъ я, но товарищемъ ихъ я никогда не буду, и не буду никогда участникомъ въ ихъ разгулѣ, грубыхъ оргіяхъ и пустомъ препровожденіи времени». И многіе единственно за это злобствовали противъ меня, тогда, какъ между тѣмъ, я, кромѣ добра имъ, ничего противъ нихъ не дѣлалъ. Къ сожалѣнію, не всѣ мои товарищи приняли предупредительныя мѣры, и нѣкоторые изъ нихъ, даже очень хорошіе люди, не приучивъ себя къ занятіямъ и лишеніямъ, не выдержали скуки одиночества, лишеній при недостаткѣ средствъ, боязни неприятностей и преслѣдованій, и, вступивъ въ несвойственный кругъ низшаго чиновничества, грубаго низшаго купечества и агентовъ откуна, потеряли и сами свое нравственное достоинство, и погибли.

Точно также все, что касается до внутренняго устройства общины, до обезпеченія въ настоящемъ и, по возможности, до нѣкоторой степени и въ будущемъ, всецѣло принадлежало мнѣ. Учрежденіемъ большой артели, я, кромѣ введенія порядка въ хозяйственное управленіе казамата, имѣлъ главное въ виду—уничтоженіе личной зависимости однихъ отъ другихъ. Я началъ борьбу по этому поводу еще съ самаго начала пребыванія нашего въ Читѣ, и ничего нѣтъ несправедливѣе увѣреній автора статьи о Лепарскомъ, что будто бы Лепарскому обязаны были заключенные учрежденіемъ большой артели, тогда какъ онъ, согласно съ видами тюремщика, четыре года упорно тому противился, (за одно съ богатыми), и только категорическое мое публичное ему заявленіе, что я воспользуюсь первымъ случаемъ прибытія какого нибудь инспектора или ревизора, чтобъ разъяснить до какой степени богатые извращаютъ, ко вреду бѣдныхъ товарищей, разрѣшеніе получать ими деньги сверхъ положенія, заставило уступить и богатыхъ и Лепарскаго, знавшаго, что

меня ничто не удержитъ и опасавшагося, что при этомъ могутъ открыться и всѣ другія неправильности, чтобъ не выразиться рѣзче, въ его дѣйствіяхъ. Причины, почему онъ противился, будутъ изложены въ послѣдующемъ историческомъ разсказѣ; а именно-то потому что я былъ руководителемъ всего дѣла, начиная съ пребыванія еще въ Читѣ; въ моихъ же рукахъ находятся и всѣ документы, къ нему относящіеся, и подлинный уставъ за подписью членовъ комиссіи, составлявшихъ его, въ которой комиссіи я былъ самъ и избраннымъ членомъ, и дѣлопроизводителемъ.

Уничтоживъ личную зависимость бѣдныхъ отъ богатыхъ, служившую главнымъ источникомъ непріятностей и къ развитію самыхъ дурныхъ побужденій, холопскаго подслуживанья однихъ, зависти у другихъ и пр., я обращалъ общее вниманіе и на то, до какой степени спокойствіе духа зависитъ отъ увѣренности хотя въ нѣкоторомъ обеспеченіи и въ будущемъ. Поэтому, кромѣ бережливости всѣмъ и во всемъ, чтобъ не растрачивать даромъ, имѣвшихся у массы, значительныхъ средствъ, я, вмѣстѣ съ И. И. Пущинимъ и П. А. Мухановымъ, предпринялъ, собственно для обеспеченія будущности немущихъ, по выходѣ на поселеніе, особое учрежденіе, но такое, чтобъ это обеспеченіе зависело уже отчасти и отъ собственнаго благоразумія, отъ старанія съэкономить извѣстную сумму изъ получаемыхъ денегъ, и отъ взноса оной въ помянутое учрежденіе, для полученія, при выѣздѣ на поселеніе, пособія соразмѣрно количеству взноса, съ прибавкою процентовъ и той части дохода, который получало учрежденіе, имѣвшее въ казamatѣ значеніе и сохранной казны для искавшихъ обеспеченія въ будущемъ, и банка, для богатыхъ, всегда нуждавшихся въ деньгахъ, не смотря на тысячи, и десятки тысячъ, ими получаемыхъ. Это учрежденіе было названо малою артелью, для отличія отъ большой, и не имѣло съ нею ничего общаго. Далеко не всѣ участники въ большой артели участвовали въ малой. Понятно, что люди и состоятельные, во нуждавшіеся, также какъ и всѣ, въ устройствѣ по части продовольствія и удовлетворенія другихъ необходимыхъ потребностей: церковной службы, общей прислуги, бани и пр., участвовали въ большой артели; но будучи обеспечены въ будущемъ своими родными, не имѣли, конечно, никакой надобности участвовать въ малой, число членовъ которой и было поэтому гораздо ограниченнѣе, нежели участниковъ въ большой.

Здѣсь кстати могу сказать, что одна изъ главныхъ причинъ, которая давала мнѣ нравственную силу въ борьбѣ за осуществленіе всѣхъ упомянутыхъ учрежденій, заключалась именно въ томъ, что для всѣхъ было очевидно, что я лично для себя не имѣлъ никакой

нужды въ нихъ и не извлекалъ себѣ пользы, а велъ постоянную и энергическую борьбу исключительно для пользы общей. Состоя членомъ большой артели, посвящая ей трудъ и время, какъ учредитель, какъ постоянно избираемый членъ временныхъ комиссій для повѣрки расходовъ, для составленія бюджета, для дополненія и исправленія устава, я однако же не пользовался, когда вносилъ деньги полностію, главною выгодною отъ артели,—столомъ, потому что употреблялъ, какъ сказано выше, особую пищу, которую готовилъ на свои личные средства. Я не взялъ ничего изъ малой артели, отправляясь на поселеніе, и даже изъ газетной артели менѣе всѣхъ извлекалъ себѣ пользы, потому что по спеціальности и научности моихъ занятій, нуждался не въ газетахъ или обще-занимательныхъ книгахъ, романахъ и т. п., а въ спеціальныхъ и ученыхъ сочиненіяхъ, которыя выписывалъ на свои средства, или получалъ отъ знакомыхъ и товарищей. Въ заключеніе скажу, что все, что я сообщалъ С. В. Максиму о казачьей жизни, и что онъ съ моихъ словъ напечаталъ въ своемъ сочиненіи,—вполнѣ справедливо, какъ то и подтвердится въ дальнѣйшемъ разсказѣ. Въ добавокъ ко всему сказанному, я имѣю право утверждать еще, что именно мнѣ же, а не кому другому, товарищи мои были обязаны разрѣшеніемъ письменныхъ занятій. Меня одного только не одинъ разъ обыскивали, у меня одного находили и отбирали письменныя принадлежности, на меня одного постоянно доносили, и все-таки мнѣ же, наконецъ, удалось убѣдить Лепарскаго въ бесполезности всѣхъ этихъ преслѣдованій, и что для образованныхъ людей чтеніе и письменныя занятія составляютъ такую же существенную потребность, какъ и пища. Впослѣдствіи онъ самъ разсказалъ о борьбѣ моей съ нимъ ген.-губернатору Броневскому, и какъ онъ, отнимая у меня прежде мои бумаги, самъ послѣ доставлялъ мнѣ матеріалы для изслѣдованія края.

Позволяю себѣ указать и еще на одно правило, которому я неизмѣнно слѣдовалъ и въ казачьей, какъ и вездѣ, во всѣ эпохи моей жизни. Я чрезвычайно дорожилъ своими умственными занятіями, жертвовалъ для нихъ и удовольствіями своими и спокойствіемъ, и не любилъ, чтобъ меня отрывали отъ нихъ по пустякамъ. Но съ другой стороны, всякое доброе и полезное дѣло находило во мнѣ всегда полное сочувствіе и содѣйствіе, и въ такомъ случаѣ я всегда готовъ былъ покидать даже свои ученые занятія для практической дѣятельности, когда являлась необходимость въ моемъ безотлагательномъ содѣйствіи, потому что я самъ ничего такъ не опасался, какъ того, чтобы вращаясь постоянно въ отвлеченномъ мірѣ науки, не очерствѣть сердцемъ, какъ это не рѣдко случается съ кабинетными уче-

ными, и не сдѣлаться равнодушнымъ къ нуждамъ и бѣдствіямъ міра дѣйствительнаго. У меня сохранились два документа, свидѣтельствующіе о нераздѣльности у меня еще съ самой юности умственной и практической дѣятельности. Это два письма, одно отъ инспектора наукъ въ морскомъ корпусѣ, извѣщающее меня (когда мнѣ было только 17 лѣтъ) о назначеніи меня преподавателемъ, въ высшемъ классѣ, астрономіи, высшихъ математическихъ наукъ, механики и высшей теоріи морскаго искусства, что достаточно, думаю, свидѣлствуетъ до какой степени я преданъ былъ ученымъ занятіямъ еще и въ то время; другое письмо, отъ одного извѣстнаго и искусствомъ, и добротой адмирала, съ просьбою помочь ему въ одномъ добромъ дѣлѣ, выражающее убѣжденіе, что моя извѣстная дѣятельность и въ этомъ отношеніи болѣе принесетъ пользы, нежели вліяніе его званія. Вотъ почему и въ казamatѣ ко мнѣ всегда обращались, не боясь въ этомъ случаѣ прервать мои занятія, если требовалось мое содѣйствіе по какому либо общественному дѣлу, и если нужно было дежурить при больныхъ, а когда случались трудно больные, то нашъ докторъ-товарищъ Вольфъ никому кромѣ меня и не довѣрялъ ночнаго дежурства, въ ночи кривисовъ болѣзни.

Наконецъ, имѣю полное право утверждать, на основаніи неопровержимыхъ доказательствъ, что въ теченіи всей своей жизни, участвуя добровольно въ многообразныхъ отрасляхъ общественной дѣятельности, жертвуя для нея временемъ, трудомъ и частію ограниченныхъ моихъ матеріальныхъ средствъ, не рѣдко съ отказомъ себѣ и въ самомъ необходимомъ, я никогда не искалъ въ ней, и не извлекалъ изъ нея ничего для себя, ни для вещественной выгоды, ни для удовлетворенія тщеславія, отказываясь всегда и отъ того вознагражденія, на какое имѣлъ право по закону, а испытывалъ, напротивъ, болѣею частію, огорченія, непріятности и неблагодарность, что никогда не могло однако же заставить меня отказаться отъ такого неблагодарнаго труда; я продолжалъ во всю свою жизнь дѣйствовать одинаково по тѣмъ же самымъ правиламъ и въ томъ же самомъ духѣ.

I.

Приступая теперь къ историческому изложенію событій въ нашей казаматской жизни, въ которомъ придется весьма часто говорить о комендантѣ Лепарскомъ, и вообще о непосредственномъ находившемся при насъ начальствѣ, я считаю не лишнимъ представить общую его характеристику, которая далеко будетъ не согласна съ тѣмъ,

что говорили панегиристы Лепарскихъ, (и коменданта, и плацъ-маіора, его племянника). С. В. Максимовъ, въ опроверженіи своемъ Петра Свистунова, упрекавшаго его, что онъ будто бы слѣдовалъ во всемъ моимъ указаніямъ, на достовѣрность которыхъ Свистуновъ хотѣлъ навести сомнѣніе, сказалъ, что онъ, С. В. Максимовъ, въ сочиненіи своемъ «Сибирь и каторга», въ отзывѣ своемъ о Лепарскомъ слѣдовалъ, напротивъ, не моимъ показаніямъ, а отзываю большинства, но оговорилъ, что признавалъ представленныя мною возраженія очень вѣсскими. Нельзя не пожалѣть, что онъ не привелъ ихъ въ своемъ сочиненіи, тогда можетъ быть предупредилъ бы этимъ дальнѣйшіе лживые отзывы, или далъ бы, по крайней мѣрѣ, безпристрастнымъ людямъ возможность взвѣсить за и противъ. Мы же не сомнѣваемся, что слышанныя отъ насъ С. В. Максимовымъ возраженія будутъ найдены, дѣйствительно, вѣсскими въ такой степени, что перевѣсятъ всѣ отзывы пристрастныхъ хвалителей, когда разъяснены будутъ причины и побужденія ихъ къ пристрастной похвалѣ. И мы думаемъ, что въ историческихъ изысканіяхъ важно не число голосовъ, а доказанность фактовъ, ихъ неопровержимость, такъ что если имѣется хоть одинъ вѣрный фактъ, обличающій несостоятельность хотя бы и многихъ противорѣчащихъ голословныхъ утвержденій, то онъ одинъ только и долженъ имѣть значеніе для исторіи.

Лепарскій былъ опытный и хитрый тюремщикъ, котораго главною задачею было сдѣлать насъ неопасными и уничтожить наше нравственное значеніе, не забывая и своихъ личныхъ расчетовъ, и въ этомъ смыслѣ дѣйствовалъ, конечно, искусно.

Онъ содѣйствовалъ всему, что только могло поддерживать между нами несогласія, ублаживалъ ложными надеждами и былъ преступно снисходителенъ къ тѣмъ, которые своими дѣйствіями бросали тѣнь на казamatское общество. Зная чьи голоса имѣютъ наибольшее значеніе въ Петербургѣ, онъ доставлялъ всевозможныя льготы, съ нарушеніемъ всякаго порядка, богатымъ и имѣющимъ важныя связи, но о массѣ насъ не имѣлъ никакой заботы, какую обязанъ имѣть всякій тюремщикъ по человѣчеству. Наковедъ, если бы даже всѣ дѣйствія относительно насъ могли, какъ это было со стороны благодумствующихъ людей, признаваться и хорошими, то одинъ уже подборъ лицъ его штаба, преступная снисходительность къ самымъ возмутительнымъ ихъ дѣйствіямъ, явный обманъ правительства, полное пренебреженіе къ участи нижнихъ чиновъ и другихъ лицъ, которыхъ судьба отъ него зависѣла, были таковы, что хвалить его никакъ уже не приходилось тѣмъ людямъ, которые считали себя и выдавали за либераловъ и кичились тѣмъ, не говоря уже о томъ,

что поставя существованіе не только солдатъ, но и находившихся при нихъ содержавшихъ караулъ гарнизонныхъ офицеровъ въ полную зависимость отъ нашихъ благодѣяній, Лепарскій тѣмъ самымъ уничтожилъ самую возможность существованія какого либо порядка и дисциплины, сдѣлавъ всѣхъ не стражами уже нашими, а прислужниками, продававшими за деньги всѣ служебныя свои обязанности, даже до допущенія ночнаго входа постороннихъ и ночнаго выхода заключенныхъ.

Упомянувъ выше, что я смотрѣлъ на казаматское общество не какъ на случайный сборъ людей, а какъ на живой организмъ, на выражавшую извѣстную живую идею общину, я считаю не лишнимъ предпослать началу разсказа о ней общій ея очеркъ, характеристику и результаты.

Казаматская община, или какъ ее обычно называли для краткости: «казаматъ», представляла не только замѣчательное, но и вполне необычайное, исключительное явленіе, которое понятно никогда уже не повторится болѣе. Для обогащенія себя познаніями посредствомъ изученія, живаго наблюденія и опыта, для умственного и нравственнаго развитія, (разумѣется тѣхъ, кто хотѣлъ и умѣлъ тѣмъ воспользоваться), въ казаматѣ были соединены такія условія, которыя не доступны нигдѣ и никому, даже располагающему и большимъ состояніемъ. Независимо отъ огромнѣйшей бібліотеки¹⁾ и множества газетъ и журналовъ, всегда доступныхъ всѣмъ, надлежитъ помнить, что въ казаматѣ были соединены, въ необходимыхъ ежедневныхъ сношеніяхъ, люди высшаго уровня тогдашняго образованія, представители всѣхъ мнѣній, въ сферахъ религіозной, ученой и общественной, а при этомъ, внутренняя жизнь казамата, будучи совершенно свободна отъ всякаго стѣсненія, налагаемаго разными условіями въ свѣтѣ, допускала возможность проявленія всѣхъ мнѣній, всѣхъ чувствъ и всѣхъ направленій, (тенденцій), какъ въ свѣтлыхъ, такъ и въ темныхъ явленіяхъ, безъ всякаго препятствія, безъ всякаго ограниченія. Правда, представителями иныхъ мнѣній, чувствъ и направленій было иногда одно лицо, а не цѣлыя партіи, какъ въ болѣе обширныхъ обществахъ, но принципы, не менѣе того, про-

¹⁾ Докторъ Вольфъ, напр., имѣлъ до 4 т. томовъ медицинскихъ сочиненій; Лужинъ полное изданіе твореній отцевъ церкви въ подлинникахъ греческихъ и латинскихъ; имѣлись всѣ классическія сочиненія греческой, латинской, французской, нѣмецкой, англійской, италіанской, испанской и польской литературы. Не смотря на всѣ передриги, которымъ подверглись мои книги и бумаги, у меня и до сихъ поръ сохранилось не мало классиковъ греческихъ, и испанской литературы; всѣ эти книги получены Лепарскимъ. Д. В.

являлись всецѣло во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ, благодаря тѣмъ условіямъ, среди которыхъ могли и должны были проявляться. Всякая справедливая мысль вынуждена была все-таки проходить здѣсь чрезъ горнило всевозможныхъ живыхъ возраженій, неограниченной ничѣмъ критики, и могло поэтому восторжествовать, не вслѣдствіе случайныхъ какихъ либо обстоятельствъ, какъ получающія иногда преобладаніе въ свѣтѣ идеи, а тою только силою, которая присуща самой истинѣ. Все же ложное, несправедливое должно было, напротивъ, или отступить, или вынуждаемо было критикою и требованіями логической послѣдовательности доходить до нехѣпости, (абсурда), очевидной уже и для самаго лица, выражавшаго или поддерживавшаго что либо ложное и неправильное.

Всѣ науки имѣли въ казamatѣ и своихъ живыхъ представителей, и большое количество сочиненій по каждому предмету. Умственное развитіе могло быть, поэтому, всесторонне и полно, и по книжному изученію, и по живой бесѣдѣ, устранявшей опасность односторонности, столь обычной у кабинетныхъ ученыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и для нравственнаго развитія представлялись самыя благопріятныя условія, не только вслѣдствіе нагляднаго примѣра вредныхъ послѣдствій ошибочности нравственныхъ началъ и побужденій и у людей умныхъ и образованныхъ, (въ казamatской жизни ничто не могло укрыться), но и потому еще, что только въ борьбѣ съ массою лицъ равноправныхъ могли выработываться и проявляться истинные характеры и твердыя убѣжденія; все же напускное, фальшивое, ходульное никогда не выдерживало испытанія. Вотъ почему казamatское общество въ своей внѣшней замкнутости, и въ то же время совершенно свободномъ внутреннемъ проявленіи всѣхъ началъ умственныхъ и нравственныхъ, и могло совершить, до полнаго завершенія, хотя и въ небольшомъ объемѣ, цѣлый кругъ явленій, свойственныхъ всякому живому общественному организму, отъ зарожденія его до разрушенія; и потому-то явленія казamatской жизни, для тѣхъ, кто былъ способенъ разумѣть внутренній смыслъ ихъ, могли давать поясненія и указанія на аналогическія явленія вообще, и въ болѣе обширныхъ человѣческихъ обществахъ, и служить впоследствии основаніемъ, не только для болѣе здравыхъ и справедливыхъ сужденій по дѣламъ политическимъ и общественнымъ, но и для предвидѣнія ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ событія казamatской жизни разъяснили и побужденія лицъ къ участию въ дѣлѣ, важныя для опредѣленія характеристики лицъ, и тѣ послѣдствія, къ которымъ приводятъ неизбежно разныя одностороннія, и потому (при добрыхъ даже намѣреніяхъ и самообогащеніи на счетъ ихъ), ошибочныя начала.

Москва, 1831 г.

Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ.

«не могу съ достовѣрностію сказать», и пр. Что же касается до стороннихъ лицъ, то онѣ, разумѣется, должны были основываться въ своихъ разсказахъ только на внѣшнихъ случайныхъ явленіяхъ, и если слышали и разказы чьи-либо изъ нашихъ товарищей, и даже имѣли въ рукахъ кое-какіе документы, то не находившись сами въ казематѣ, не зная всей совокупности событій и историческаго развитія ихъ, а равно и внутреннихъ причинъ, не могли, разумѣется, давать настоящаго значенія ни тому что слышали, ни тому что могли узнать изъ документовъ.

Мнѣ же благопріятствовали и внѣшнія условія для полноты наблюдений и разнообразія источниковъ свѣдѣній, давшія возможность избѣжать односторонности. Прибывши одинъ изъ первыхъ въ Читѣ, (прежде меня прибыла только одна партія изъ четырехъ человекъ), я выѣхалъ изъ Петровскаго завода послѣднимъ, и затѣмъ водворенъ былъ на поселеніи въ той же самой Читѣ, гдѣ было еще много свидѣтелей перваго, общаго нашего пребыванія въ ней, что дало мнѣ возможность пополнить мои свѣдѣнія фактами и объясненіями, бывшими намъ неизвѣстными. Затѣмъ, прибывъ въ Читѣ, я женился на дочери одного умершаго горнаго шт.-офицера (по горному чину въ рангѣ подполковника), бывшаго, во время нашего пребыванія въ Читѣ, начальникомъ горнозаводскаго тамъ управленія, человека высокоуважаемаго и нами, и начальствомъ, и, по званію и мѣсту своему, имѣвшаго всегда къ намъ доступъ, завѣдывавшаго отчасти и нашими дѣлами, въ семействѣ котораго я нашелъ поэтому много не только устныхъ свѣдѣній, но и документовъ, относящихся къ намъ.

Но еще важнѣе всѣхъ этихъ внѣшнихъ благопріятныхъ условій было то, что существовала еще особенная, нравственная причина, которая дѣлала для меня обязательными полноту, точность и безпристрастіе наблюдений. Для всѣхъ другихъ, явленія и наблюдения въ казематской жизни были случайныя; между ними не отыскивали и даже и не предполагали никакой связи, и обращать или не обращать на нихъ вниманіе зависѣло отъ разныхъ обстоятельствъ и большею частію отъ причинъ и побужденій субъективныхъ; для меня же наблюдения надъ явленіями казематской жизни были напередъ поставленною нравственною задачею, предметомъ преднамѣреннаго изученія. Признавъ, что для полноты и правильности выводовъ по вопросамъ общественнымъ и государственнымъ, необходимо подробное и безпристрастное изученіе всѣхъ партій, ихъ побужденій, цѣлей, правилъ, и образа дѣйствій, я съ самаго же начала, когда увидалъ, что мы будемъ соединены въ массы, и на долгое время, призналъ, что это обстоятельство будетъ весьма благопріятно для изученія либе-

ральной партіи, которая будетъ имѣть здѣсь представителей всѣхъ мнѣній, всѣхъ побужденій, всѣхъ положеній, всѣхъ степеней образованія и развитія, и съ этою цѣлю и сообразилъ свои наблюденія. Я старался поэтому не только съ точностію наблюдать всѣ явленія, и безпристрастно обсуждать ихъ, но и осмысливать ихъ, отыскивать ихъ внутреннія причины и связь между ними. Казамацкое общество являлось, поэтому, мнѣ не какъ простой, случайный агрегатъ людей, а какъ живой организмъ, воплощеніе живой идеи, способной къ развитію и къ проявленію всего своего внутренняго содержанія, и думаю, что въ этомъ я не ошибся. Что же касается до того, чтобы поставить себя въ условія возможности полнаго безпристрастія, то могу сказать, что я принялъ въ этомъ отношеніи всевозможныя мѣры, устраненіемъ всѣхъ причинъ и поводовъ къ личнымъ столкновеніямъ. У меня происходила постоянная и сильная борьба, но всегда только за общія идеи, за нравственныя правила, за разумность учрежденій, за правильность и своевременность приложенія нѣкоторыхъ общихъ мѣръ.

Съ другой стороны, возможность безпристрастнаго сужденія обеспечивалась, съ моей стороны, моимъ взглядомъ на партіи, на служебный ихъ характеръ, исключаящій эгоистическія цѣли, не связывающій необходимостію и обязанностію защищать у своихъ и худое, порицать у противниковъ и хорошее; взглядъ, не позволяющій партію ставить выше дѣла и цѣли.

Въ подтвержденіе и того и другаго я могу привести цѣлую массу доказательствъ и письменныхъ документовъ.

Что требовалъ я отъ своихъ товарищей по заключенію? Я требовалъ, прежде всего, сохраненія нравственнаго достоинства, охраненіе котораго въ нашей общинѣ и составляло главный предметъ моихъ усилій, и болѣе всего противорѣчило цѣли и намѣреніямъ коменданта, какъ тюремщика, и потому и заставляло его смотрѣть на меня, какъ на главнаго своего противника. «Одно только нравственное достоинство можетъ придать намъ значеніе въ нашемъ положеніи, твердилъ я постоянно. Если вы хотите, чтобы вѣрили, что вы пожертвовали собою для блага общаго, хотя бы и ошибались въ средствахъ достиженія цѣли, то соображайте съ этимъ и теперь ваши дѣйствія. Если же мы ничѣмъ не будемъ отличаться въ нравственномъ отношеніи отъ тѣхъ людей, среди которыхъ намъ суждено жить отнынѣ, то мы будемъ самые жалкіе люди».

Во вторыхъ, я требовалъ, чтобы не теряли время на пустыя занятія. Если мы, находясь въ казаматѣ, не можемъ, говорилъ я, дѣйствовать съ пользою для общества, то ничто не мѣшаетъ тому,

чтобъ готовиться къ такому дѣйствию, если снова представится намъ случай къ общественной дѣятельности. Наконецъ, я всегда понималъ свободу не какъ одно только отрицаніе внѣшнихъ ограниченій, а какъ внутреннее, живое, творческое и дѣятельное начало, способное созидать и развивать такой же живой, органическій порядокъ и свободно подчиниться ему. Все, что я говорилъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, я старался подтверждать и собственнымъ примѣромъ.

Вотъ эти-то требованія и были единственною причиною моихъ столкновеній какъ съ товарищами, такъ и съ комендантомъ; никакихъ личныхъ поводовъ я не имѣлъ и не подавалъ.

Относительно комендантовъ, и перваго (Лепарскаго) и втораго (Ребиндера), и вообще относительно всякаго начальства, я дѣйствовалъ съ такимъ же безпристрастіемъ, какъ и относительно товарищей; что было хорошо у кого бы то ни было, то и говорилъ я, что хорошо, что было худо, осуждалось равно и у тѣхъ, и у другихъ. Лепарскій считалъ меня не только главнымъ, но и единственнымъ его противникомъ; мы съ нимъ, какъ увидимъ, расходилось во всемъ, но мои дѣйствія никогда не выходили за предѣлы справедливости и законности; и Лепарскій самъ признавалъ, что мои требованія не имѣли никогда ничего личнаго, эгоистическаго, а дѣйствія были во всемъ безупречны, что именно и внушало ему, по его собственнымъ словамъ, опасеніе, но съ другой стороны побуждало его оказывать мнѣ всегда полное уваженіе, какъ свидѣтельствуется собственноручныя его ко мнѣ письма и записки. Что же касается до Ребиндера, то въ то время, какъ другіе, отнесясь къ нему съ самаго же начала, еще до приѣзда его, съ недовѣріемъ и боязнію, единственно потому, что онъ былъ изъ жандармовъ, начали вслѣдъ за тѣмъ, ради разныхъ льготъ и изъ страха, заискивать въ немъ, и искать съ нимъ сближенія, — я встрѣтилъ его безъ предубѣжденія, но не искалъ съ нимъ личнаго знакомства, ничего отъ него не требовалъ, а между тѣмъ, подъ конецъ, онъ сдѣлался самымъ жаркимъ моимъ почитателемъ, когда увидѣлъ на опытѣ, въ приложеніи и къ себѣ, мое безпристрастіе и справедливость; когда я сумѣлъ защитить его противъ несправедливости, возбужденной противъ него увлеченіемъ духа партіи, и по человѣколюбію не хотѣлъ оставить его безъ помощи въ то время, когда по случаю почти смертельной его болѣзни, его оставили тѣ самыя, которые прежде искали въ немъ и льстили ему.

Мнѣ приходилось въ казamatской жизни, во многихъ случаяхъ, бороться почти одному, и противъ общихъ несправедливыхъ увле-

ченій, и противъ частныхъ дѣйствій, не соответствовавшихъ нашему нравственному достоинству, и противъ нестройства общихъ дѣлъ, и противъ безпорядковъ, выгодныхъ не многимъ, но вредящихъ всѣмъ, порождавшихъ и поддерживавшихъ раздраженіе и непріятности; бороться одному, не потому чтобъ не было никого понимающихъ дѣло и сочувствующихъ мнѣ, а вслѣдствіе обычной у насъ анатим и всеобщей уклончивости, избѣгающей борьбы за общіе интересы. Понятно поэтому, что моя неуклончивость и постоянная, неустанная борьба вызывали противъ меня раздраженіе и вражду тѣхъ, которыхъ ошибочнымъ и вреднымъ мнѣніямъ, страстямъ и эгоистическимъ интересамъ я противился въ какомъ либо данномъ случаѣ. Но когда опыты разсѣялъ ошибочныя мнѣнія, страсти улеглись или получили инныя цѣли и направленія, интересы измѣнились, мнѣ отдали справедливость, и многолѣтняя переписка со мною моихъ товарищей, въ теченіи всей остальной ихъ жизни, свидѣтельствуетъ о томъ расположеніи и уваженіи, какія они ко мнѣ питали. Не смотря на всѣ случайности, которыми подвергались мои бумаги во время преслѣдованія, впоследствии, со стороны Сибирскаго начальства, во время борьбы моею съ нимъ, у меня все еще сохранилась цѣлая масса писемъ Пущина, Оболенскаго, Муханова, братьевъ (Ник. и Мих.) Бестужевыхъ, братьевъ (Мих. и В.) Кюхельбекеровъ, Юшневскаго и супруги его, Никиты и Артамона Муравьева, Горбачевскаго, Волконскаго, Трубецкаго, его дочери и ея мужа (кяхтинскаго градоначальника, впоследствии сенатора, Ребиндера), Анненкова и супруги его и дочери, Ѳ. Г. Вишневскаго и Кирѣева. Въ Читѣ, гдѣ я по выходѣ изъ каземата проживалъ, и на поселеніи, и по возвращеніи мнѣ правъ, искали моего гостепримства и моего содѣйствія, посѣщали меня и гостили по долгу: В. Кюхельбекеръ съ семействомъ, С. Г. Волконскій съ супругою и ея сестрою, фрейлиною С. Н. Раевскою; сестра С. Г., вдова фельдмаршала и министра кн. П. М. Волконскаго Трубецкой съ дочерью и вятемъ, Горбачевскій, М. Бестужевъ, какъ свидѣтельствуютъ ихъ благодарственныя письма. По возвращеніи моемъ въ Москву, я посѣтилъ всѣхъ, кого засталъ при пріѣздѣ въ Москву, исключая Петра Свистунова. Я посѣтилъ Нарышкину, вдову П. И. Пущина, (бывшую Фонвизину въ казематѣ), Анненковыхъ, когда они пріѣзжали, замушнюю дочь ихъ, которую носилъ въ казематѣ на рукахъ, сына Трубецкаго, вятя его Ребиндера, Ѳ. Г. Вишневскаго, о нахожденіи котораго въ Москвѣ не зналъ, но который, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, и, будучи боленъ, письменно просилъ меня навѣщать его. Меня постоянно посѣщали сынъ Трубецкаго и вятя его, который часто приходилъ ко мнѣ приглашать къ обѣду и потолковать

о дѣлахъ; у меня бывали Анненковы, и мужъ и жена и дѣти ихъ, всякій разъ, что прїѣзжали въ Москву; меня часто приглашала къ обѣду вдова И. И. Пущина, у которой собирались тогда и Анненковы и дочь Муравьева; я навѣщалъ и сестеръ Бестужевыхъ; а о томъ, что я доставлялъ удовольствія и дочери Мих. Бестужева, имѣются и благодарственныя его письма; меня посѣщалъ, бывая здѣсь проездомъ, Андрей Евгениевичъ Розенъ; напоминали письменно о себѣ и другіе. Изъ этого видно, сколько было правды въ увѣреніяхъ Петра Свистунова, что я будто бы имѣлъ причины не видѣться въ Москвѣ съ моими товарищами, какъ напечаталъ онъ это въ «Русс. Архивѣ» Бартенева, въ опроверженіе разказа С. В. Максимова о событіяхъ въ казачьей общинѣ, которымъ опроверженіемъ Петръ Свистуновъ очевидно, надѣялся заранѣе подорвать авторитетъ моего слова, когда я стану разсказывать о событіяхъ казачьей жизни, зная до какой степени мой неуклончивый и правдивый разказъ будетъ невыгоденъ для него, Свистунова. Вотъ почему при появленіи опроверженія Свистуновымъ разказа С. В. Максимова, я и написалъ Петру Свистунову и Петру Бартеневу, что если Петръ Свистуновъ лучше меня знаетъ событія казачьей жизни, то пусть Петръ Свистуновъ разскажетъ, а Петръ Бартеньевъ напечатаетъ—кто въ казачьей общинѣ былъ коноводомъ той группы, которая дѣйствіями своими бросала тѣнь на казачье общество? ¹⁾

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей думали, что о такихъ дѣйствіяхъ не слѣдуетъ говорить. Я никогда не раздѣлялъ такого мнѣнія. Если я всегда говорилъ безъ уклончивости объ ошибкахъ и о преступленіяхъ тѣхъ лицъ, которыя называютъ себя людьми преданными правительству, и величаютъ себя представителями законности, за что и подвергался ихъ враждѣ, преслѣдованію и раззоренію, то я считалъ неполезнымъ, несправедливымъ и потому и недозволеннымъ, утаивать преступленія и всѣ невыгодныя стороны и тѣхъ лицъ, которыя ложно причисляли себя къ партіи либеральной, и убѣжденъ, вопреки мнѣнію одного изъ моихъ товарищей ²⁾, что чистые ничего не проиграютъ отъ обличенія нечистыхъ.

¹⁾ Здѣсь нами опущено пятнадцать строкъ.

Ред.

²⁾ Вотъ что писалъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, отъ 22-го апрѣля 1873 года, „Я увѣренъ, что вы, почтенный Дмитрій Иринарховичъ! какъ писатель серьезный, для памяти нашихъ чистыхъ товарищей, предадите забвенію гадости нечистыхъ, которыя только могутъ помрачить свѣтлыя сто-

а скорѣе выиграютъ еще, потому что тѣмъ болѣе было достоинства сохранить чистоту, когда другіе, подъ гнетомъ лишенія правильныхъ средствъ удовлетворенія желаній и побужденій, не устояли и прибѣгали къ такимъ отвратительнымъ средствамъ; и наконецъ, при общей клеветѣ на партію отъ противниковъ, она не коснется чистыхъ, когда будетъ извѣстно кто были нечистые, позорившіе партію. Я никогда не ставилъ партію выше отечества, и ничего и никого выше справедливости.

Обратимся теперь къ требованіямъ моимъ, чтобы не теряли времени на пустыя занятія, а употребляли бы съ пользою тѣ громадныя средства, которыми мы располагали въ совокупности, и чтобы, если не могутъ дѣйствовать въ настоящемъ для общей пользы, то готовились бы къ дѣйствию въ будущемъ, когда то дозволить обстоятельства и представится къ тому случай. Я первый признавалъ всегда неотъемлемымъ достоинствомъ нашихъ товарищей, говоря о массѣ, что они сѣумѣли, однажды, возвыситься до пожертвованія всѣми своими выгодами, но необходимо было этотъ бессознательный порывъ чувства возвести въ сознательное убѣжденіе, укрѣпивъ его основательнымъ изученіемъ и яснымъ разумѣніемъ, чѣмъ однимъ могли бы они предохранить благородное чувство отъ искаженія и новыхъ ошибочныхъ увлеченій, и, раскрывъ причины прежнихъ ошибокъ, стараться исправить ихъ; и никто не можетъ отрицать, чтобы и въ этомъ требованіи я не подавалъ бы собою примѣра, дѣлая при томъ самъ несравненно еще болѣе, нежели сколько требовалъ отъ другихъ. Чтобы раскрыть причину возможности ошибокъ, при сознаніи полной искренности побужденій, и въ то же время оградить себя отъ вліянія прежде составленныхъ теорій и выводовъ, я рѣшился обратиться къ первымъ источникамъ знанія, предался изученію латинскаго и греческаго языковъ, которые зналъ уже отчасти, изучилъ еврейскій ¹⁾, и

роны, выказанныя многими изъ нашихъ истинныхъ товарищей по многимъ частямъ интеллектуальнымъ и моральнымъ. Вы умѣете цѣнить ихъ, и можете выставить ихъ достоинства и заслуги гораздо лучше меня. Да сохранитъ васъ Богъ отъ сторонниковъ, фанатиковъ и друзей ложныхъ. Здравствуйте, и работайте на общую пользу. Вашъ неизмѣнный Читинскій и Петровскій со-
 узникъ“, N. (Авторъ письма и подлинникъ письма, извѣстны редактору „Русской Старины“.
 Д. З.

¹⁾ Изъ этого видно сколько было правды въ замѣткѣ Петра Бартенева къ Запискамъ Басаргина, что упоминаніе о еврейскихъ книгахъ надо разумѣть гиперболически. Всякій можетъ видѣть у меня еврейскую библію in folio, подписанную Лепарскимъ, въ доказательство, что она находилась и въ казатѣ, и всю исписанную замѣтками моей руки, свидѣтельствующими,

перевелъ для своего употребленія все священное писаніе съ подлинниковъ на русскій; прочелъ всѣхъ главныхъ отцевъ церкви въ подлинникахъ, равно и весь кругъ богослужебныхъ книгъ на языкѣ греческомъ. Кромѣ того, по отношенію и къ свѣтскимъ наукамъ, я, хотя считался и уже прежде человекомъ съ большими познаніями, какъ свидѣтельствуя и даваемая мнѣ прозванія «Зеймана», «Пика Мирандольскаго», «Омне sciens», (см. письма къ братьямъ Александра Бестужева въ «Русс. Вѣстникѣ» 1870 года), хотя и былъ уже преподавателемъ высшей математики, астрономіи, механики и пр., но со всѣмъ тѣмъ считалъ своею обязанностію неослабно заниматься для приобрѣтенія все большіхъ и большіхъ познаній по всѣмъ частямъ. Я посвящалъ, во все время пребыванія въ казематахъ, не менѣе 18 часовъ въ сутки на умственные занятія, и соотвѣтственно съ тѣмъ сообразилъ и свою діету, употребляя исключительно растительную пищу. А вотъ и свидѣтельство моихъ товарищей объ этихъ моихъ занятіяхъ: въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти моей сестры въ 1880 году и мнѣ переданныхъ, я нашелъ письмо Петра Александровича Муханова, отъ 2 февраля 1833 года, къ моей мати, въ которомъ онъ говоритъ слѣдующее: «Дмитрій Иринарховичъ, благодаря Бога, здоровъ, но худъ, (вслѣдствіе усиленной діеты). Онъ сдѣлалъ изъ тюремной мрачной жизни все, что могъ. Занимается чрезвычайно много языками мертвыми и живыми, западными и восточными. Особенно изучаетъ онъ еврейскій, со всѣми его нарѣчіями, и хотя я не судья въ семь огромномъ его подвигѣ, но имѣя часто съ нимъ разговоры о ветхомъ завѣтѣ и іудейскихъ древностяхъ. я могъ замѣтить, что онъ не уступаетъ въ знаніи тѣмъ ученымъ людямъ, съ которыми я былъ въ сношеніи въ Петербургѣ. Если бы у него было болѣе пособій и новѣйшихъ книгъ ¹⁾, то можетъ быть со временемъ вынесъ онъ изъ тюрьмы своей полное знаніе языка, которому мало учатся въ Россіи, а между тѣмъ языка необходимаго для точнаго изученія священныхъ писаній».

Н. В. П. А. Мухановъ былъ самъ замѣчательный археологъ. Замѣтимъ кстати и здѣсь, что письмо П. А. Муханова составляетъ новое обличеніе Петра Бартенева, отрицавшаго даже то, что еврейскія книги имѣлись въ казематѣ.

что эта библія не лежала праздно для вида. Есть даже и арабскія книги, необходимыя для изученія еврейскаго языка. Все это видѣлъ у меня, въ 1831 г., уважаемый редакторъ „Русской Старины“ М. И. Семеновскій.

¹⁾ Это писано было о занятіяхъ до 1833 года, а затѣмъ я все болѣе и болѣе наполнялъ свою библіотску книгами, относящимися къ изученію библіи.

Д. З.

А вотъ и письмо В. К. Кюхельбекера, (приведенное нами впрочемъ уже и въ другомъ мѣстѣ):

19 марта 1840 года, крѣпость Акша на рѣкѣ Ононѣ.

«Любезнѣйшій другъ и товарищъ Дмитрій Ирннарховичъ! Не знаю, пріятны ли вамъ мои письма, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, истинная отрада бесѣдовать съ вами. Сравнивать себя съ вами не смѣю! Вы человекъ истинно европейской учености, я же только люблю науки. Нѣтъ во мнѣ такого постоянства, той все побѣждающей твердости, которая необходима для пріобрѣтенія глубокихъ познаній».

Чтобъ извлечь всю пользу изъ огромныхъ учебныхъ средствъ казамата, и распредѣлить правильно и безобидно для всѣхъ чтеніе, я, съ Михайломъ Фотіевичемъ Митковымъ и Сергѣемъ Григорьевичемъ Волконскимъ, учредилъ газетную артель, въ которой сосредоточивались всѣ, какъ выписываемые ею самою книги, газеты и журналы, такъ и жертвуемые другими, получавшими ихъ лично на свое имя, и пока не установилъ порядка и не пріучилъ къ нему, былъ самъ и бібліотекаремъ въ казаматѣ, (хотя это и отнимало у меня много времени); у меня одного, поэтому, и сохранились нѣкоторые документы, относящіеся къ этой газетной артели. Изъ всего этого видно, какъ мало знакомъ былъ съ внутренними событіями казаматской жизни авторъ статьи о Ленарскомъ («Русс. Старина» 1880 г., кн. V III), когда относитъ бібліотеку и бібліотекаря къ большой артели, учрежденной исключительно для сбора и распредѣленія денежныхъ средствъ, и не имѣвшей ничего общаго съ газетною артелью. Да и было бы въ высшей степени несправедливо употреблять общія средства на такой предметъ, которымъ не всѣ могли пользоваться. Выписывались преимущественно иностранные газеты и журналы, которые не всѣ могли читать; а для соблюденія еще болѣе справедливости, даже въ газетной артели, спеціальныя, чисто ученые журналы, выписывались не изъ общихъ средствъ, а на особую складчину тѣхъ только лицъ, кому онѣ были нужны; такъ сочиненія по части высшей математики выписывались мною и Барятинскимъ; по части механики—мною, Ник. Александровичемъ Бестужевымъ и Торсономъ и пр. Въ газетной артели участвовали иные, не участвовавшіе въ большой артели, что еще доказываетъ самостоятельность этого учрежденія. Здѣсь я долженъ еще замѣтить, что когда я говорилъ о необходимости готовиться къ дѣйствию въ будущемъ, то я разумѣлъ не одну только умственную подготовку, но и нравственную, и вотъ почему строгая діета, которой я себя подчинилъ, имѣла, кромѣ содѣйствія умственнымъ занятіямъ,